
pocket**book**

poCKET**book**

НАЦУО КИРИНО

Хроника жестокости

МОСКВА
2015

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
К 43

Natsuo Kirino
WHAT REMAINS (ZANGYAKUKI)

残酷記 © Natsuo Kirino 2004

Перевод с японского *Сергея Логачева*
Художественное оформление *Андрея Саукова*

Кирино, Нацуо.
К 43 Хроника жестокости / Нацуо Кирино ; [пер. с яп.
С. Логачева]. — Москва : Эксмо, 2015. — 256 с.

ISBN 978-5-699-80369-9

Нацуо Кирино переосмысливает весьма распространенный в мировой литературе сюжет — историю отношений мучителя и жертвы. «Хроника жестокости» — аллюзия прежде всего на «Коллекционера» Фаулза и — далее — на «Бюрю» Шекспира и миф об Аиде и Персефоне.

Наруми Коуми — известная писательница. Давно, четверть века назад, она пережила трагедию, которая сломала ее собственную жизнь и жизнь ее близких, — ее похитили, и целый год она провела в заточении. Она пытается забыть эту историю, но изо дня в день прокручивает ее в голове. Сомнения в том, что не все так однозначно, как может показаться, не дают ей покоя. А тут еще приходит письмо от похитителя — он пишет, что не простил ее. Чем же она, жертва, виновата перед своим мучителем?

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Логачев С., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80369-9

*Издательство «Бунтёся»,
отдел публикаций,
литературная редакция,
г-ну Ёсиюки Яхаги*

Уважаемый господин Яхаги!

Позвольте выразить Вам глубокое уважение и пожелать добра и благополучия.

Прошу извинить за беспокойство, которое доставляю Вам этим письмом. Я муж Кэйко Убукаты, «Наруми Коуми». Благодарю Вас за поддержку, которую Вы постоянно оказываете моей супруге.

Очень сожалею, что приходится к Вам обращаться. Прежде всего, прошу не удивляться тому, что я собираюсь сообщить.

Дело в том, что моя супруга пропала и отсутствует уже две недели. Вроде вышла погулять и исчезла. От нее нет никаких известий, и было бы неправдой сказать, что я за нее не

переживаю. Впрочем, моя супруга — женщина эксцентричная, я искренне надеюсь, что когда-нибудь она вернется, и буду ждать ее, сколько потребуется. К счастью, похоже, она отказалась от предложения одного журнала — редакция хотела, чтобы она писала им что-то с продолжением в каждый номер. Меня это утешает, иначе мы подвели бы многих людей.

«Хронику жестокости» — распечатанный на принтере текст, который прилагается к моему письму, — я обнаружил на столе супруги. Сбоку от заглавия была приклеена записка: «Переслать в издательство «Бунтёся», господину Яхаги». Вот я и подумал: вдруг Вы как раз ждете эту рукопись. Кроме этой записки она больше ничего не оставила. Я понятия не имею, что случилось с женой. Может быть, ее исчезновение как-то связано с содержанием этой рукописи.

Сказать по правде, какое-то время я сомневался, надо ли Вам ее пересылать. Тому есть три причины: я не знаю, действительно ли она хотела ее Вам отправить; извините, конечно, но я боялся, что через Вас об исчезновении моей супруги станет известно окружающим; и еще меня смущало, что я никого не знаю в издательских кругах, и теперь некоторые факты станут достоянием гласности. То, что в этой

рукописи, — произошло на самом деле. Вот что я имел в виду, написав, чтобы Вы не удивлялись.

Мою супругу, в девичестве — Кэйко Китамуру, похитили, когда ей было десять лет. Похититель держал ее взаперти больше года, пока его не арестовали. Кэйко освободили невредимой, дело закрыли. Потом она перешла в среднюю школу, сменила место жительства, поэтому в нашей округе никто не знает, что писательница Наруми Коуми пережила такое. Насколько я знаю, супруга никому не рассказывала о том случае. В ее первой книге — «В грязи» — описывается одно происшествие, однако там сюжет строится вокруг обнаруженного трупа. Был такой реальный случай, который произошел до похищения Кэйко.

Правда, мне помнится, тогда о ее книге писали, что сюжет «вызывает ассоциации с похищением ребенка несколько лет назад». Еще помню, супруга говорила, что Вы, как редактор ее литературного дебюта, искренне удивлялись и спрашивали ее: «Впечатление такое, будто это писала не школьница, а взрослый человек. Что же такое вы пережили?» С тех пор прошло семнадцать лет, и все это время Вы, господин Яхаги, были куратором моей супруги. Я не знаю, насколько откровенны вы были при об-

щении. Может быть, она Вам что-то говорила о том случае?

Завесу молчания, которой моя супруга окружила эту историю, нарушило одно-единственное письмо. Она получила его от того самого преступника, который, искупая свою вину, отсидел двадцать два года в тюрьме. Я только что прочитал «Хронику жестокости», но мне остается непонятным, повлияло ли как-то это письмо на мою супругу. Возможно, оно разбудило в ней воспоминания о том случае, и ее исчезновение как-то связано с этим. Не знаю. Однако мысль о том, что тяжелый эпизод из ее жизни, о котором она должна была забыть и не вспоминать, мог снова ожить в ее памяти, вызывает у меня боль и жалость. Я, ее муж, не в состоянии ничего сделать, бессилие опустошает, но я все равно буду ждать Кэйко.

Письмо этого человека помещено в самом начале «Хроники жестокости». Я считаю его частью оставленного супругой текста и поэтому посылаю все в таком виде. Не хочется думать, что с моей супругой что-то случилось, но если это так, я хотел бы обсудить с Вами судьбу рукописи, поэтому направляю ее Вам. Позже свяжусь с Вами по телефону.

С уважением,

Дзюнро Убуката

Наруми Коуми

ХРОНИКА ЖЕСТОКОСТИ

Уважаемая Наруми Коуми-сэнсэй!

Извините, что к вам обращаюсь. Ни с того ни с сего.

Имя на конверте не настоящее. Я подумал: напишу настоящее — ни за что читать не станете. Прошу прощения, что соврал. Это в последний раз.

Вы, наверное, очень удивились моему письму. Харада-сэнсэй, который за мной смотрит, строго приказал, чтобы я ни за что не писал пострадавшей, а то меня опять посадят в тюрьму, но мне так хотелось написать. Вот и написал. Пожалуйста, не выбрасывайте, прочитайте до конца. Очень прошу.

В прошлом году меня выпустили из тюрьмы. Я сидел в городе Сэндай. Если не считать предварительное заключение, просидел двадцать два года, восемь месяцев и двенадцать дней. Очень долго, так что я даже перестал дни считать. Но Харада-сэнсэй точно сказал, сколько прошло.

В тюрьме я все думал вам написать, брал много книг из библиотеки, читал, учился, но мало чего запомнил. Имею в виду, как писать

иероглифы и слова. Надзиратели и «старики», с которыми я сидел, говорили, что я тупой. Вот я толком писать и не научился. В тюрьме мне здорово доставалось, с работой тоже ничего не получалось, я то и дело попадал в тюремную больничку. Из-за этого и дни считать разучился.

Сейчас работаю уборщиком в больнице, куда меня устроил Харада-сэнсэй. Там всем распоряжается один человек, его зовут Кимура, я его так же боюсь, как надзирателей. Он приказал, чтобы я звал его Кимура-сэнсэй. Он все время сердится и шпыняет меня, зато я могу выходить во двор, и здесь все равно не так плохо, как в тюрьме. Зимой много снега и очень холодно, и все-таки снег не такой холодный, как бетон. Живу рядом с больницей, в общежитии, есть хожу в больничную столовую. В столовой работает Кумагаи-сан. Она очень добрая, я ее люблю за это. Недавно она угостила меня пудингом. Меня одного, больше никого. Когда я спросил, почему она дала мне пудинг, она сказала: «У тебя же день рождения. Пятьдесят лет». Кумагаи-сан очень хорошая.

Моя работа — убирать двор и склад за зданием больницы. На складе я работаю в маске. Там страшновато — говорят, когда выбрасываешь шприцы, можно уколоться иголкой. Надо

осторожно. Я, конечно, надеваю перчатки, но шприц может и через перчатку проколоть. Я сказал Кимура-сэнсэю, а он: «Тебе б железные руки приделать, тогда никакая иголка не возьмет». Я сразу представил металлический цех, где раньше работал, и вдруг заплакал. Почему? Наверное, потому что вспомнил про вас. Вам неприятно? Хорошо, не буду, хотя хотелось бы и про это написать.

Наступило время сухих листьев. Сколько их ни убирай, на следующий день опять полно на том же самом месте. Как странно... Здесь, как и раньше в тюрьме, я начинаю путать дни. Что было вчера, что позавчера, что позапозавчера, что еще раньше?.. Вдобавок солнце сейчас заходит рано, быстро темнеет, и становится грустно и тоскливо. И зимой, когда выпадает снег и все вокруг одинаковое, я тоже дни не различаю.

Все собирался написать вам письмо, но как-то не получалось. И все-таки написал. Потому что увидел вашу фотографию. Кимура-сэнсэй ел бэнто и читал газету, и я в ней увидел вас. Я ваше лицо ни за что не забуду, сколько лет ни пройди. Сердце у меня так и заколотилось, и я спросил у Кимуры-сэнсэя: «Это кто?» Он засмеялся: «Это Наруми Коуми, очень известная романистка. Тебе-то что за дело?» И бро-

сил газету в мусорное ведро, а сверху выплеснул чайную заварку, промочил газету, но я потом ее расправил и высушил.

Вас зовут по-другому, не так, как раньше. Странно как-то. Была Миттян, а теперь Наруми Коуми? А романистка — это кто пишет романы, да? Вообще-то мне это дело не очень нравится. Потому что я ни одного романа не читал. В тюрьме как-то взял один попробовать, но так и не понял, про что там написано. Я спросил у одного «старика»: «Почему я ничего не понимаю?» — «Потому что в этих романах одно вранье, — сказал он. — А ты вранье от правды отличить не можешь, потому как тупой».

Конечно, я тупой, но зачем вам сочинять вранье? Так вы и про меня можете все наврать. Я очень из-за этого переживаю. Мне не просто грустно, даже какая-то злость разбирает.

В тюрьме я все время думал о вас. И плохих мыслей у меня не было. Потому что я думаю о том, что сделал, и мне хотелось попросить у вас прощения. И хотя мне кажется, что вы никогда меня не простите, я толком не могу понять — почему. И еще очень жалко, что вы стали взрослой и сочиняете непонятные романы. Теперь вы взрослая врунья, мне кажется.

Харада-сэнсэй, сказал, что я вышел из тюрьмы, искупив свою вину, но я точно не знаю, пра-

вильно он говорит или нет. А Карасава-сэнсэй, адвокат, наоборот ругается: мол, не очень-то ты каешься. Не знаю, почему, но, по-моему, я стал совсем тупой, еще хуже, чем раньше. Так что это мое письмо — последнее. Больше писать не буду, не волнуйтесь.

Простите за все. Хотя можете не прощать, я не против. Но я вас тоже не прощу, наверное. Будьте здоровы.

Кэндзи Абэкава

1

Послание Кэндзи прислали из издательства вместе с тремя письмами от моих почитателей. Такие письма предварительно распечатывали в редакции — проверяли, нет ли в них угроз или не сунул ли кто в конверт бритвенное лезвие, — и только потом отправляли мне, но лишь письмо Кэндзи каким-то образом проскочило «цензуру». Дело, скорее всего, не в нерадивости редактора. Может статься, воля Кэндзи, его желание вступить со мной в контакт помогли его письму обойти чужие руки. Или же меня потихоньку исключают из категории «важных авторов», и потому редактор позволил себе относиться к своим обязанностям спустя рукава.

На конверте стоял адрес издательства. На оборотной стороне — штамп небольшого городка на побережье Японского моря и имя отправителя — Кэн Кумагаи. Почерк на конверте явно женский, видимо, его надписала та добрая женщина, о которой упоминается в письме Кэндзи, да еще разрешила ему использовать свою фамилию. Письмо написано дешевой синей шариковой ручкой на листке обычной почтовой бумаги, которую можно купить в любом супермаркете. Письмена у Кэндзи получились корявые, спотыкающиеся, лишь нажим оказался необычайно сильным — следы от шарика так четко отпечатались на другой стороне листка, что создавали почти физическую иллюзию его присутствия. Несколько минут я сидела в растерянности, держа перед собой письмо.

Поразило меня не только то, что написал преступник: «Можете меня не прощать... Я вас тоже не прощу, наверное», — но и ощущение «жертвы», ожившее в памяти спустя двадцать пять лет. Такое живое и острое, что я почувствовала совсем близко, рядом, присутствие странного, подозрительного «чужака», грубо вторгающегося в мою жизнь. Объект этого вторжения — не сознание, а именно жизнь, моя плоть и кровь. Жизнь, которую я проживаю день за днем. Этот

ход вещей вдруг кем-то нарушается, разлетается в щепки, и рождаются абсурд и страх, против моей воли делающие меня другой. Что касается сознания, оно по обыкновению невозмутимо включается потом, после резкой перемены в жизни, и служит тому, чтобы навести какой-то порядок в душе. Научить этому может лишь страшный личный опыт. Поэтому, даже говоря на эту тему, я не распространяюсь о том, чем все это может закончиться.

Я начала писать, стала писательницей и наглухо закрыла свою жизнь от посторонних. Не исключено, что в этом моем решении была неизбежность, единственный выбор, который мне оставался. Потому что писательство дает возможность жить, не оглядываясь ни на кого и ни на что, за счет того, что ты превращаешь себя в отточенное оружие, позволяющее глубоко проникнуть в предмет.

Но почему Кэндзи все равно, прощу я его или нет? И откуда у него мысль, что и ему меня прощать не надо? Причина в том, что я романистка, сочиняющая всякие небывлицы? Я положила несколько раз перечитанное письмо на край стола и задумалась. Вокруг все изменилось от самого присутствия этого письма. Компьютер, картины, украшавшие стены, цветы на столе — все сразу утратило реальность, выцве-